

Михаил Задорнов

НЕФТЯНИКОМ БУДЕШЬ!

В начале 90-х годов группа немецких бизнесменов приехала в Россию, желая наладить деловые отношения с нашими нефтяниками. К тому времени по миру уже поползли слухи о том, что в России можно быстро сделать хорошие деньги. Особенно в нефтяном бизнесе. И многим западным бизнесменам срочно захотелось стать русскими нефтяниками.

Бизнесмены представляли солидную фирму. Чтобы показать русским, насколько серьезны их намерения, они привезли гуманитарную помощь голодающим во имя реформ россиянам.

Наши чиновники этот благотворительный шаг оценили по-своему. Раз немцы такие щедрые, их можно будет «подоить». И устроили приехавшим в течение недели ежевечерние приемы, во время которых было съедено продуктов больше, чем привезли немцы. При этом все дни в тостах говорилось о том, как тяжело нынче России от нехватки западных инвестиций на пути реформ.

Немцы, которые с детства привыкли считать каждый бутерброд, даже спросили у кого-то из чиновников: а кто за все это платит? «Никто», - не задумываясь, ответил чиновник. «Как никто?» - не поняли немцы. «Ну, государство», - пояснил чиновник. После чего мне пришлось долго им объяснять, что государство и «никто» - у нас одно и то же.

В то время я руководил одним из крупных фондов, через который была распределена часть привезенной, как мы тогда говорили, «гуманитарки». Я тоже присутствовал на банкетах и даже иногда сопровождал довольных приемом немцев в их экскурсиях по

Москве. Они поняли, что меня многие знают. При встрече со мной улыбаются, разговаривают. Двое из группы попросили меня полететь с ними в Тюмень, чтобы помочь провести переговоры с настоящими тюменскими нефтяниками. За это моему фонду была обещана и впредь гуманитарная помощь. Выступлений у меня в то время не было. Россия от шока гайдаровских реформ лежала в нокдауне. Я согласился. В надежде на новые впечатления взял записную книжку.

И я не ошибся. Записи пришлось делать уже в самолете, поскольку кое-кто из пассажиров летел стоя, словно ехал в трамвае. Немцы не могли на это не обратить внимания. И неуверенно спросили: «А разве до Тюмени недалеко?» Что я мог им ответить? Что правительство и народ в настоящий момент живут каждый своей жизнью? У каждого своя халтура. И у летчиков тоже. Подошли к командиру экипажа безбилетные, попросили: «Водила, подбрось до Тюмени, а?» «Мест нет», - ответил командир. «Не бойсь. Мы смиренно постоим, никому мешать не будем. Очень надо, пойми, водила». Водила понял.

И вот теперь человек семь летели стоя, держась за спинки кресел. Некоторые, чтобы скоротать время, пили баночное пиво. Один, который стоял возле моего немца, уже напился и пытался на него облокотиться. С банки капало на клетчатые качественные немецкие брюки. Немец дергался, однако отодвинуться ему было некуда. Да еще пассажир справа, видимо, из очень средней Азии, извините за подробности, снял туфли. Не знаю, как далее прилично описать эту пикантную ситуацию. Впрочем, думаю, наши читатели не раз сами в нее попадали. В блокноте же я тогда записал: «Я не был на Первой мировой войне, но мне кажется, такой газовой атаки немцы не испытывали с 1914 года». Но больше всего их удивляло то, что никто из пассажиров на эту атаку не реагировал. Вроде бы это для

них - привычное дело. И даже когда подали еду, все стали есть как ни в чем не бывало. Немец же нашей закалкой не обладал. Он не выдержал, вынул небольшой дорожный дезодорант и побрызгал вокруг себя. Сделал такую парфюмерную «дымовую завесу». После чего неожиданно даже для меня проснулось лицо среднеазиатской национальности, толкнуло немца в бок и грубо спросило:

- Зачем испортил воздух?

В Тюмени нас встречали уже не чиновники, а действительно настоящие нефтяники. Животы у всех - как рюкзаки альпинистов. Несмотря на тридцатиградусную жару, все в пиджаках и при галстуках. Галстуки параллельно земле на животах лежат:

- Здравствуйте, рады приветствовать! Много наслышаны. Из Москвы звонили - сказали, нормальные мужики, хоть и немцы. Дело делать могут. Так что не будем тянуть. Сегодня вечером обсудим все контракты в бане.

В первый момент немцы думали, что переводчица неправильно что-то перевела.

- В бане? Контракты?

- Да, в бане.

- А почему в бане?

В этой поездке я превратился для них в главного объяснялу:

- У нас так часто бывает. Это знак особого расположения и доверия. Так что, если хотите стать действительно нефтяниками, не вздумайте отказаться.

В гостинице тому немцу, что поглавнее, дали лучший - в прошлом обкомовский - люкс. Три комнаты, огромная гостиная, обои и ковры цвета взорвавшейся плодоовощной базы. В четырех углах гостиной - четыре люстры, у каждой по четыре плафона. Они, как сопла ракет, угрожают с потолка. Но... нигде нет выключателей. После пустых попыток найти хотя бы один мой немецкий друг, как всегда, обратился ко мне:

- А где у вас обычно выключатели?
- Посмотри в шкафу.

Прямо от двери во всю стену раскинулся шкаф. Я к тому времени был уже опытным гастролером. Много колесил по российским загогулинам, подобное видел не раз. Знал, что администрация гостиницы покупает за безналичные как можно больше мебели. Потом начинает распахивать ее по всем углам. Шкафы обычно громоздкие, заслоняют выключатели, розетки. Тогда вызывается плотник или столяр с лобзиком, вырезаются дырки в задних или в боковых стенках шкафов - и выключатели оказываются внутри.

- В шкафу - выключатель? - переспросил немецкий друг.
- Да, внутри.
- Ты что, юморист?
- Я-то юморист, но тем не менее советую заглянуть в шкаф.

Немец открыл дверцы шкафа. Осторожно открыл, как будто тот заминирован. Смотрит, перед ним на задней стенке, у самого пола, - красавец выключатель. Секунды три они с выключателем смотрели друг на друга. После чего немец так же осторожно закрыл дверцы и снова открыл их. С первого раза не поверил! Выключатель снова оказался в шкафу.

Забегая вперед, скажу, что вскоре ему этот процесс даже понравился. Открыл дверцы шкафа, включил свет, засветились сопла ракет по углам, закрыл дверцы шкафа... Покидая Россию, он, словно чеховский герой, прощался с любимым шкафом. Обещал ему, что у себя на родине в память о России сделает точно такой же и будет этим процессом угощать гостей.

У второго немца был полулюкс. Это означало, что в нем стояла итальянская сантехника только наполовину. Например, кран с золотыми каемками, а раковины под ним вообще нет. Правда, администратор успокоила:

- Это пока. В следующем сезоне поставят. Приезжайте. Вам понравится.

Зато кран установлен на редкость аккуратно. Струя из него попадала точно в сливную дырку в полу, словно сантехник при его установке использовал высококачественную прицельную оптику. Душ тоже итальянский. Но его держатель замурован нашими ребятами в стенку на уровне пупка. Вселившийся в полулюкс немец немножко понимал по-русски. Он сам спросил администратора, причем спросил очень корректно:

- А если я хочу помыться весь?

- Поверните душ ситечком вверх и дайте побольше напор воды. Не понимаете, что ли? На вас будет сверху капать.

Поскольку немцы не знают, что у нас при банях обязательно имеются банкетные залы, они решили перед баней сходить в гостиничный буфет. В этот переходный период российской экономики в буфетах даже бывших обкомовских гостиниц были только остатки тех продуктов, которые завещала нам к концу

перестройки вялая советская власть. То есть килька, засиженная мухами, печенье «Октябрьское» и отечественные полубритые курицы, вернее, крылышки от них и иногда ножи. Как будто это не курицы, а маленькие вертолетики. Еще порой в таких буфетах залетным продуктом бывал кефир. Наш кефир, который комками вываливается из бутылки.

- Нам кефир, пожалуйста, - попросили немцы.
- Сначала сдайте пустую посуду, - категорически отрезала буфетчица.
- Но мы только что из Германии.
- Ничего не знаю, надо было посуду взять с собой, раз так кефир любите. А то все вон берут, а посуду не возвращают.

Однако главные события развернулись вечером! Уже через пять лет подобным банно-российским приемом нельзя будет удивить ни одного иностранца. А тогда, зайдя в баню и увидав накрытые столы, главный немец очень искренне спросил:

- Это баня?
- Да, это баня.
- А почему столы накрыты?
- Потому что это баня, - не очень убедительно ответил я и даже сам смутился из-за такого парадокса.
- Хорошо... Если это баня, то где халаты и тапочки? - продолжали допытываться гости.

Тут в разговор вмешался наш главный нефтяник. Впредь я всех буду называть без имени и фамилии, поскольку многие из них стали впоследствии благодаря подобным банным приемам известными бизнесменами и даже политиками. Короче, наш главный тут же сделал выговор своему помощнику-«шестерке»:

- Ты чего, действительно, Петрович, халаты не взял? Я ж тебе говорил, что немцы придут. А ну, лети быстро, тут рядом есть больница, попроси у медсестер или нянечек пару халатов для наших высоких гостей. Только пусть почище дадут на этот раз. Без особых кровоподтеков.

Халаты оказались даже накрахмаленными, с застиранными навечно пятнами от фурацилина; пахли они прачечной и валокордином. Петрович принес еще и шапочки из хирургической. Чувствую, нравится это все немцам. Что-то новенькое появилось в их жизни. Стоят, любуются друг другом, смеются. Как дети. Вообще я заметил, многие, даже очень солидные, западные бизнесмены в России становятся детьми. Мы для них - этакий необъятный аттракцион «Рашнленд».

Впрочем, радоваться им суждено было недолго, потому что в это время главнокомандующий приказал всем садиться за стол. Стол я описывать не буду, это заняло бы слишком много времени. Скажу только, что на нем оказались деликатесы, которых не было и не могло быть в немецкой гуманитарной помощи.

- Итак, дорогие гости, - начал речь главнокомандующий, облокотившись на стол животом, - можно начинать. Парилка готова, там уже под сто сорок. Венички замочены. Поэтому для начала надо как следует закусить. Наливаем. Настоящий нефтяник перед парилкой должен закусить. Что пить будете?

От такой «торжественной части» немцы побледнели. Но чтобы объяснить почему, я должен сделать отступление, уважаемый читатель. Дело в том, что немцы обычно в банях моются и очищаются от съеденного за неделю. То есть проводят там время весьма примитивно. Даже температура в их парилках и та

примитивная - не выше девяноста градусов. Вообще согласно моим наблюдениям среднестатистический немецкий «парень» уступает в выносливости среднестатистическому российскому мужику, что убедительно доказывается отсутствием в немецком языке даже слова «мужик». То есть не мужики они. Повозите немца годик по нашим дорогам - и детей у него уже не будет никогда. А для наших это - легкий массаж. Примеров подобного немужицкого поведения немцев можно привести массу. Если немец поест, как наш, на ночь, он уже не проснется. А пьют они, смешно сказать, виски с содовой. Девять десятых из этого - содовая. И пьянеют. И говорят глупости друг другу. И радуются. И аспирин на ночь принимают от похмелья, чтобы наутро не болела голова. Однажды в Берлине мне дали прочитать в немецкой газете криминальное сообщение: «Двое немецких солдат взяли бутылку бренди. Зашли в номер своей гостиницы и учинили там пьяный дебош на два дня».

И, наконец, главное, что меня в свое время поразило больше всего. В немецких банях мужчины и женщины находятся вместе в одних и тех же парилках совершенно нагими. Как те, так и другие. Моются в одних и тех же душевых. При этом разговаривают о погоде, политике, ценах и скидках, совершенно не испытывая друг к другу никаких чувств. Попав первый раз в немецкую баню, я сразу сказал, что наших мужиков в их баню без подготовки пускать нельзя. Наши на Севере детей на стройках делают, не снимая телогреек. Ну и, учитывая сказанное, закончу свое отступление так: если немцу предложить с веником и стаканом водки, после селедочки в шубе, поросеночка под хреном, зайти в парилку, где сто сорок, он сначала умрет, потом с ним случится инфаркт.

- А у вас виски с содовой нет? - робко поинтересовался немец.

Еще раз напоминаю: то была Россия переходного этапа к рыночной экономике, когда рубль уже был близок к самоубийству, а товаров еще не было. Поэтому виски пили только редкие завсегдатаи различных заграниц.

- Вы что? Какие виски? - возмутился председатель, а вместе с ним и нефтяники помельче. - Виски вы еще у себя нахлебаетесь. А тут уж давайте по-нашенски. У нас есть такой напиток, называется «шило». Выпьете - будете нефтяниками! Мы за свои слова отвечаем!

Во второй половине своей юности я с агитбригадой ходил на наших судах по Северному морскому пути. Тогда и узнал, что «шило» - это особый согревающий напиток: спирт с перцем. Когда на атомоходе «Ленин» я вонзил в себя всего полстакана «шила», меня вместе с табуреткой пригвоздило к полу минут на двадцать. Хотя я был закален студенческой жизнью в общежитии. Можно себе представить, что было после такого же стакана с незакаленной немецкой немощью. Он в момент превратился в восковую фигуру из музея мадам Тюссо. В этой же позе его перенесли в гостиницу и уложили в кровать. Только заботливо надели галстук, чтобы тот не потерялся.

Проснулся наш немецкий шеф в восемь утра и, по-моему, в первый момент даже не понял, в какой стране он находится. Голый, в медицинском халате, с деловым галстуком на шее. А над ним уже стоят наши нефтяники. Все в костюмчиках, свеженькие, с утра супчику поели. Наши ведь всегда перед работой опохмеляются супчиком, вернее, наваром из мозговой косточки. И при этом приговаривают: «Однако оттягивает». Стоят они над немцем, словно консилиум у постели умирающего. Главнокомандующий протягивает ему все тот же граненый стакан и говорит:

- На, выпей, полегчает. Отвечаю... Я по глазам немца вижу, что он хочет задать вопрос, но не может. По его взгляду вопрос мне понятен, и я его озвучиваю:

- Это что, тоже «шило»?

- Нет, «шило» льется вечером. А это на похмелье. Это «буравчик». Выпей, выпей. Нефтяником будешь!

«Буравчиком» меня угощали на атомоходе «Арктика». Могу засвидетельствовать: «буравчик» действительно не «шило», потому что «буравчик» - это не спирт с перцем, а спирт с небольшой добавкой жидкого азота. Кто-то из северян придумал, дабы спирт не так раздирал глотку, немного добавлять в него захлаживающего жидкого азота. Действительно, с такой добавкой, близкий к температуре абсолютного нуля, напиток, можно сказать, проскальзывает в организм, не задевая нежных слизистых оболочек гортани. Затем легкая фракция «буравчика» мгновенно испаряется с выдохом или иком, а спирт, как ценное вещество, остается в организме. Только пить «буравчик» надо очень быстро, ни в коем случае не смакуя, как виски с содовой.

Немцу очень хотелось стать нефтяником. Принял он «буравчик» и еще на пару дней поехал в гости к мадам Тюссо. Очнулся. А наши опять над ним в галстучках консилиумом собрались:

- Одевайся. Сегодня едем на рыбалку. Поехали, поехали, два дня уже тебя тут ждем.

- Я не умею рыбачить, - взмолился немец.

- А что там уметь! Наливай и пей.

Уезжали немцы с подписанным контрактом. Растолстели на наших харчах. У того, который по-русски говорил, голова уже с трудом входила в кепочку. Впрочем, этого следовало ожидать: ведь он

влюбился в повариху, которая им всю неделю готовила. Звали ее Варя. Это имя ей очень подходило. Она не могла быть ни Олей, ни Таней, ни Леной. Она могла быть только Варей. Готовила с душой и умела открывать пиво обручальным кольцом. Все это очень нравилось немцам. Однажды они из-за нее даже чуть не подрались. То есть стало в них появляться что-то нашенское. Она же, Варя, выбрала того, который говорил по-русски. Ей нравилось говорить с мужчинами. Этого она на родине не имела. И, кроме того, хотелось, чтобы ей было понятно, как ее уговаривают.

Когда же мы прощались в аэропорту «Шереметьево», немцы мне сказали:

- У вас потрясающая страна. Похудеем - еще приедем. Нам очень понравилось. Спасибо. У нас, в Германии, работать гораздо сложнее. У нас бы полгода такой контракт обсуждали. Наверное, потому, что у нас нет такой бани.

Один из немцев действительно вернулся. Но я его уже не видел. Мне рассказывали нефтяники, которые потом стали политиками, что Варе он привез новое обручальное кольцо. Все-таки добился своего - стал настоящим нефтяником.